

Список использованных источников

- 1 Воробьева, Л. Б. Русские устойчивые сравнения в сопоставлении с литовскими: специфика образности : дис. ... канд. филол. наук / Л. Б. Воробьева. – Псков, 2002. – 251 с.
- 2 Николаева, Е. К. Идеографическое описание компаративных фразеологических единиц польского языка : дис. ... канд. филол. наук / Е. К. Николаева. – Л., 1989. – 287 с.
- 3 Огольцев, В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В. М. Огольцев. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1978. – 160 с.
- 4 Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки славянской культуры, 1996. – 289 с.

УДК 811.161.1'367.7

И. Г. Гомонова

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ С ДЕЕПРИЧАСТИЯМИ В РОЛИ ВВОДНЫХ ЕДИНИЦ (на материале Национального корпуса русского языка)

В статье на материале данных Национального корпуса русского языка анализируются устойчивые словесные комплексы с компонентами-деепричастиями, выполняющие в русском языке функции вводных единиц; выявляются разновидности субъективно-модальных значений, выражаемых ими, способы встраивания их в текст, хронологическая активность / пассивность, стилистическая маркированность и др.

Вводные единицы с компонентами-деепричастиями служат в русском языке для выражения субъективно-модальных значений, характеризующих разные типы отношений говорящего к сообщаемому. Анализируемые вводно-модальные единицы состоят из деепричастия, образованного от глагола речи (*говоря, выражаясь*), и адвербиального или субстантивного компонента, который заключает в себе характеристику речи или мысли. Деепричастные вводные конструкции «относятся к метатекстовым средствам языка, т. е. таким, при помощи которых автор предъявляет свою текстовую тактику – объясняет выбор слова, уточняет или поясняет мысль, обнаруживает переход от одной мысли к другой, от одного фрагмента к другому» [1]. При употреблении деепричастия в сфере модуса, как правило, возникает его «рассогласование <...> с основным глаголом по субъекту – формально нарушается правило односубъектности» [1].

С помощью деепричастных вводно-модальных единиц можно охарактеризовать речемыслительную деятельность с точки зрения сферы употребления: *говоря / выражаясь по-книжному / научным языком / по-народному / канцелярским языком* и т. п.; источника информации: *говоря / выражаясь словами классика / языком поэта* и т. п.; синхронии / диахронии: *говоря / выражаясь современным языком / по-нынешнему / по-старому* и т. п.; соответствия нормам литературного языка и фактологической правильности: *говоря / выражаясь правильно / грамотно / безграмотно* и т. п.; точности: *говоря / выражаясь более точно / точнее* и т. п.; выразительности и богатства: *говоря / выражаясь образно / метафорично / примитивно* и т. п.; краткости: *говоря / выражаясь кратко / лаконично* и т. п.; доступности: *говоря / выражаясь просто / более понятным языком / банально* и т. п.; соблюдения норм морали и нравственности: *говоря / выражаясь мягко / грубо / по совести* и т. п. и др.

Функционально-семантическое разнообразие данных единиц обеспечивается возможностью варьирования адвербиального / субстантивного компонента в их составе.

За счет этого и в силу востребованности круг деепричастных вводно-модальных конструкций (особенно в современной публицистике) постоянно расширяется.

В то же время ядро анализируемых вводных единиц составляют устойчивые словесные комплексы (далее – УСК), соответствующий статус которых зафиксирован в словарях. К ним относятся следующие обороты с (1) адвербиальным и (2) субстантивным компонентами: (1) *грубо говоря; грубо выражаясь; мягко говоря; мягко выражаясь; образно говоря; откровенно говоря; собственно говоря; строго говоря; честно говоря; условно говоря; вообще говоря; попросту говоря; иначе говоря; кстати говоря; короче говоря; проще говоря; точнее говоря*; (2) *по сути говоря; по существу говоря; по правде говоря; правду говоря; по совести говоря; по чести говоря; в сущности говоря*. С учетом подходов, отраженных в разных лексикографических источниках, следует говорить о некоторой вариативности в выделении данной группы УСК, но в любом случае их количество не превышает тридцати единиц.

Исследование деепричастных вводно-модальных единиц с использованием материалов Национального корпуса русского языка [2] подтверждает воспроизводимость приведенных УСК, их востребованность в текстах разных авторов, стилей, жанров, формы реализации и тематики.

Например, УСК *честно говоря* характеризуется следующей частотностью: количество вхождений в (1) Основной корпус НКРЯ – 1969 (из них в художественные тексты – 847, в публицистические – 908); в (2) Газетный корпус – 5195; в (3) Устный корпус – 562: (1) *Мамина жизнь висела на волоске, мы думали только о ней, а уж какой родится младенец, живой или мёртвый, об этом мы, честно говоря, не думали, но доктор Волынцев спас обоих, и мать и Сашу, моего младшего брата* [А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)]; (2) *Честно говоря, такая степень самоотречения режиссера предполагает более тонкую и ровную по качеству работу над партитурой Вагнера* [Я. Тимофеев. Немецко-французский «Тангейзер» получил московскую прописку // Известия, 2013.10.04]; (3) *Бродский написал в книге/ которая в этом году издана/ «Книга интервью» / следующие слова. «Поэзия не развлечение и даже не форма искусства/ но скорее наша видовая цель». Вот я очень удивилась. Вот от Бродского я не ожидала/ честно говоря* [Т. Черниговская. Язык и сознание: Что делает нас людьми? Лекция Полит.Ру (2008)].

В то же время данные НКРЯ позволяют подтвердить упомянутую выше мысль о тяготении деепричастных вводно-модальных оборотов к публицистическому стилю, для которого субъективная модальность, как известно, является одной из текстообразующих категорий. Распределение по жанрам, представленное на сайте НКРЯ, демонстрирует наиболее активное употребление анализируемых УСК в публицистических статьях, мемуарах и интервью (с перераспределением внутри названных жанровых разновидностей для отдельных единиц). Так, для вводной конструкции *честно говоря* характерны следующие данные: количество вхождений в статьи – 301 (33.15 %); в мемуары – 233 (25.66 %); в интервью – 157 (17.29 %) (проценты приводятся от общего числа вхождений данной единицы в публицистические тексты Основного корпуса НКРЯ).

Данные НКРЯ свидетельствуют также о явном преобладании среди авторов, использующих деепричастные УСК с вводно-модальным значением, лиц мужского пола (в среднем количество авторов-мужчин в три раза больше количества авторов-женщин). Для УСК *честно говоря* приводится следующая статистика: количество вхождений в мужские тексты – 1202 (61.05 %), в женские тексты – 365 (18.54 %) (цифры относятся ко всему Основному корпусу НКРЯ; по публицистическому компоненту Основного корпуса НКРЯ соотношение подобное: 62.56 % мужских текстов и 17.62 % женских). Благодаря НКРЯ мы также можем узнать авторов, в текстах которых анализируемые УСК употребляются наиболее активно. Для оборота *честно говоря* это Дарья Донцова, в трех произведениях которой (а их всего в НКРЯ три) данный УСК встречается 44 раза, и Эльдар Рязанов, в двух произведениях которого наблюдается 38 вхождений данной вводно-модальной единицы: *Честно говоря, я не*

слишком-то люблю Ленку, она сплетница и жуткая болтуня [Д. Донцова. Микстура от косоглазия (2003)]; Публика, честно говоря, оказалась неподготовленной к подобной стилистике – ведь картина в этом смысле явилась «белой вороной» [Э. Рязанов. Подведенные итоги (2000)].

Первое вхождение УСК *честно говоря* в тексты корпуса датируется 1888-м годом: Назову здесь нашу Ильинскую, эту милую девушку, которую она вывела, но, честно говоря, голос её никогда не был для театра, а только концертный [А. П. Боголюбов. Записки моряка-художника (1888)], но пик активности употребления данного оборота приходится на 2010-е г.г.

Названные тенденции, выявленные благодаря статистике НКРЯ и проиллюстрированные на материале одной вводно-модальной единицы, в целом типичны для всех анализируемых УСК. Кроме предоставления пользователю статистической информации, корпус текстов выполняет еще одну немаловажную функцию – служит источником большого числа контекстов употребления анализируемых единиц, позволяющих анализировать и интерпретировать разные аспекты их функционирования. В частности, в результате такого анализа можно выявить способы встраивания данных УСК с вводно-модальным значением в предложение: бессоюзный и посредством союзов *или, а, но, то есть*. Проиллюстрируем эти способы контекстами употребления оборота *проще говоря*, который, как правило, выступает в качестве связующего звена между двумя различающимися по стилю синонимами (левый синоним имеет высокую (книжную) окраску, а правый является нейтральным; левое слово характеризуется как книжная косвенная номинация, а правое – как нейтральная прямая (см. об этом [3]): *Может быть, нафантазировать? Проще говоря, наврать? Эта спасительная для писателя мысль несколько ободряет* [В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976]; *Это одна из зон глобальных тектоно-литосферных процессов, что выражается в интенсивном сейсмогенезе, или, проще говоря, частых и сильных землетрясениях* [Б. Ахмедханов, Марат Даниялов. Пока земля нас еще носит // «Однако», 2009]; *Это резкое изменение внешнего облика, а проще говоря постарение, хронологически совпадает с духовным переворотом* [И. Волгин. Уйти ото всех. Лев Толстой как русский скиталец // «Октябрь», 2010]; *Москвичам, планирующим дожить до XXI столетия, не придется больше мучиться сомнениями по поводу качества питьевой воды, поступающей в наши квартиры из поверхностных источников, то есть, проще говоря, из сильно загрязненных подмосковных рек* [Сверху (1997) // «Столица», 1997.08.26].

Наблюдения над контекстами употребления деепричастных вводно-модальных УСК позволяют также выявить их регулярную полисемию. Так, первые вхождения оборота *грубо говоря* в тексты НКРЯ датируются XIX веком. В это время анализируемый УСК употребляется крайне редко и имеет значение ‘упрощая, представляя ситуацию более простой, чем есть на самом деле’: *Дело просто, ясно и, грубо говоря, ведь вот в чем: Ты вошла в исключительно близкие отношения, в те отношения, в которые входят только с людьми, которых любят любовью...* [Л. Н. Толстой. Письма (1894)].

Затем оборот *грубо говоря* продолжает употребляться в прежнем значении упрощения ситуации (эта функция остается ведущей), но, кроме того, служит для предупреждения о том, что будет использовано стилистически сниженное выражение. Сравн.: *Неудачный опыт «Культуры» с отказом от линеек (грубо говоря, появление одних и тех же программ в одно и то же время), слава Богу, закончился* [А. Ковалева. Революция на марше. Александр Пономарев все-таки сделает «Культуру» (2002) // «Известия», 2002.07.12]; *Так вот, экстраполируя, грубо говоря, следя за изменениями линий на руке человека, можно, разумеется, весьма приблизительно предсказать его будущее* [Г. Николаев. Вещие сны тихого психа // «Звезда», 2002] – *Значит, авиабилеты туда и обратно для жены я беру за собственные деньги, а тысяча франков на двоих на еду – это же, грубо говоря, обожраться можно* [В. Розов. Удивление перед жизнью (1960–2000)]; *Но эти Хари Кришны меня, грубо говоря, достали!!!* [А. Белянин. Свирипый ландграф (1999)]; *Но как только она начинает говорить, грубо говоря, «уши вянут»* [В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (1999)].

Разные значения оборота *грубо говоря* связаны метонимически по модели «упростить ситуацию – упростить средства описания ситуации».

Интересно, что УСК *грубо говоря* активно используется в текстах научной и технической тематики, в основном в значении упрощения способа выражения мысли, но нередко и просто в качестве перехода к иному способу передачи информации: *Однако физическое отображение или, грубо говоря, способ, каким образом тёмная материя заполняет пространство Вселенной, пока остаётся загадкой* [Максим Харченко. Скрытая масса // «Зеркало мира», 2012]; *Магнитары – это весьма экзотическая разновидность пульсаров, грубо говоря – это сверхнамагниченные (как указывает само их название), очень медленные и очень молодые пульсары* [Сергей Ильин. В мире звезд // «Знание – сила», 2005].

Кроме того, типичным для данного УСК является значение не совсем точной, приблизительной передачи информации (прежде всего количественных данных): *Планета обращается вокруг красного карлика за 1,94 дня, грубо говоря – за двое суток* [Михаил Вартбург. Меньше и, кажется, тверже // «Знание – сила», 2006]; *Темпы роста населения, производства и науки находятся, грубо говоря, в пропорции 1: 2: 4* [В. Ф. Турчин. Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции (1970)]; *Судите сами: интересующий нас период в истории Древней Греции – это, грубо говоря, 500 лет до н. э. плюс-минус двести лет, после чего идет уже эпоха эллинизма* [Д. В. Аносов. Взгляд на математику и нечто из нее (2000)].

Наконец, во многих случаях употребление оборот *грубо говоря* выступает как заполнитель паузы. Причем используют его активно и люди образованные, не имеющие проблем с речью. Проиллюстрируем такое употребление УСК контекстами из Устного корпуса НКРЯ: *Восемнадцатый век. Ну/ грубо говоря/ Ломоносов и дальше. Попытки в этом направлении были и раньше/ но ещё такие/ зачаточные* [Андрей Зализняк. Читаем «Слово о полку Игореве». Проект Academia (ГТРК Культура) (2012)]; *Для нас главная семиотическая система/ как ни крути/ как ни изучай другие системы – это язык. Это система языка/ которая состоит/ грубо говоря/ из слов* [Александр Махов. Средневековый демонологический bestiary. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)].

Подобные наблюдения, связанные с регулярной полисемией деепричастных вводно-модальных единиц, можно сделать и в отношении всех остальных подобных УСК. Отличия будут заключаться в объеме и степени выраженности многозначности.

Характерным для некоторых из анализируемых УСК является их употребление в составе однородного ряда формально подобных единиц, связанных соединительными (*Не знаю, но, честно говоря и мягко выражаясь, не верится вот в это* [Александр Гришин. Андрей Кураев попросил денег у читателей своего ЖЖ // Комсомольская правда, 2014.02.15]; *Мы с тобой, если разобраться (Пропусту и честно говоря), Не способные прорваться На соединение моря* [И. П. Уткин. Семейная хроника (1935)]) или противительными (*Давайте высказываться откровенно. Можно/ грубо говоря/ но мягко выражаясь* [Аркадий Райкин и др. Люди и манекены, к/ф (1974)]; *Я уж молчу о том, что подобные методы работы уважаемого государственного учреждения вызывают, мягко говоря, недоумение, а грубо говоря, блевотное чувство всех порядочных людей* [Сергей Юрский. Осенний бал (1993)]) отношениями. С помощью деепричастных вводно-модальных единиц может быть также выстроена градация типа *Сперва она подумала, что это чувство общечеловеческой любви, но подумав ещё, поняла: нет, любовь обычная, грубо говоря, половая, мягче – сексуальная, ещё мягче – женско-мужская, а совсем уж мягко – небесами венчанная на сдвоенье и размноженье* [Алексей Слаповский. Международная любовь (1999)].

Таким образом, использование корпусных методов, данных Национального корпуса русского языка позволяет уточнить и расширить наши представления о группе деепричастных вводных единиц устойчивого типа, выявить спектр субъективно-модальных значений, выражаемых ими, способы встраивания их в текст, хронологическую активность / пассивность, стилистическую маркированность и др.

Список использованных источников

- 1 Биккулова, О. С. Деепричастие / О. С. Биккулова // Проект корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rusgram.ru/Деепричастие>. – Дата доступа : 24.07.2016.
- 2 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 02.07.2016.
- 3 Розина, Р. И. *Так называемый*: семантика вводных метаязыковых оборотов / Р. И. Розина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/> – Дата доступа : 02.07.2016.

УДК 811.161.2'367.624

Г. І. Гримашевич

ПРИСЛІВНИКИ ЯК СТРУКТУРНИЙ КОМПОНЕНТ І РЕПРЕЗЕНТАНТ АДВЕРБІАЛЬНОЇ СЕМАНТИКИ СЕРЕДНЬОПОЛІСЬКИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ

Статья посвящена анализу среднеполюских фразеологизмов, зафиксированных в диалектах Житомирской области, с компонентом-наречием (в основном определительным способа действия и меры и степени и обстоятельством места и времени) и фразеологическим единицам с адвербиальной семантикой. В частности, рассмотрены фразеологизмы с адвербиальным значением 'близко', 'далеко', 'много', 'мало', 'давно' и др.

Фразеологізми – репрезентанти мовної та культурної картини світу певного народу чи етнічної групи, оскільки в них відтворено світогляд, матеріальну та духовну культуру. Як зауважує О. Селіванова, фразеологізми будь-якої мови є лінгвосеміотичним феноменом, формуючи особливу «підмову», одне з концентричних кіл мови, у якому в усталеній формі зберігаються і транслюються уявлення етносу про світ, культурне й історико-міфологічне усвідомлення дійсності та внутрішнього рефлексивного досвіду народу [6, с. 11].

З огляду на зазначене вище функціонування фразеологізмів на різних теренах українськомовного діалектного континууму привертало увагу мовознавців (Г. Аркушина, І. Глуховцевої, М. Демського, Й. Дзендзелівського, Г. Доброльожі, М. Олійник, Ю. Прадіда, В. Ужченка, Д. Ужченка та ін.), результатом чого стали монографічні та лексикографічні видання, що представляють цей унікальний пласт мови.

Джерелами нашого дослідження слугували передовсім власноруч зібрані матеріали в одній з архаїчних зон Славії – середньополіських говірках Житомирської області, а також лексикографічні фразеологічні видання, які репрезентують етномовний континуум Середнього Полісся, насамперед словник Г. Доброльожі «Фразеологічний словник говірок Житомирщини» [4], що уможливило простеження тенденції функціонування фразеологічних одиниць на зазначеній території; для порівняння використано надбання діалектологів, які вивчали фразеологізми в інших зонах Полісся, зокрема працю Г. Аркушина «Сказав, як два зв'язав», у якій репрезентовано народні вислови із західнополіських говірок [1].

Мета нашої розвідки – проаналізувати фразеологізми з адвербіальною семантикою, зафіксовані в середньополіських говірках, виявити фразеологічні одиниці зі складником-прислівником, охарактеризувати основні тенденції функціонування досліджуваних лінгвістичних одиниць.

Насамперед варто зазначити, що зібраний і опрацьований діалектний фразеологічний матеріал підтверджує думку багатьох українських мовознавців загалом [2, с. 299] і діалектологів зокрема [3; 5] про периферійність прислівника як частини мови, оскільки